

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.14>

Ноева Саргылана Еремеевна

"ГОРОД НА КРАЮ": АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЯКУТСКОМ ГОРОДСКОМ ТЕКСТЕ

В статье исследуются особенности локального городского текста как единой художественно-культурной системы. Основным объектом изучения является система апокалиптических мотивов и образов, выявляющих специфику статуса Якутска как города на краю. Якутский городской текст рассмотрен в качестве художественного единства сложного структурного уровня, где включенные в целое ландшафтно-климатические характеристики, городские объекты и постройки, человек в городской реальности раскрывают ментальный образ мира народа саха. Структура пространства города анализируется на нескольких уровнях: топологические реалии, локусы, фрагменты пространства, природно-климатические особенности, субъекты городского мира, нематериально-чувственный мир.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 67-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов Российской Федерации

The Russian Federation Peoples' Literature

УДК 821.512.157

Дата поступления рукописи: 13.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.14>

В статье исследуются особенности локального городского текста как единой художественно-культурной системы. Основным объектом изучения является система апокалиптических мотивов и образов, выявляющих специфику статуса Якутска как города на краю. Якутский городской текст рассмотрен в качестве художественного единства сложного структурного уровня, где включенные в целое ландшафтно-климатические характеристики, городские объекты и постройки, человек в городской реальности раскрывают ментальный образ мира народа саха. Структура пространства города анализируется на нескольких уровнях: топологические реалии, локусы, фрагменты пространства, природно-климатические особенности, субъекты городского мира, нематериально-чувственный мир.

Ключевые слова и фразы: городской текст; апокалиптические мотивы; хронотоп; перевернутость; уличная топология.

Ноева Саргылана Еремеевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

Nosaer37@yandex.ru

«ГОРОД НА КРАЮ»: АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЯКУТСКОМ ГОРОДСКОМ ТЕКСТЕ

Отношения между человеком и миром, той географической реальностью, где находится зона его проживания и где сформировался его индивидуально-культурный образ, проецируются через так называемый геопозитический дискурс, предметы исследования которого – образ места и основы региональной идентичности. В контексте геопозитической картины в качестве одного из важнейших аспектов, активно реализуемых в литературе, выделяется проблема городского текста, являющаяся одной из наиболее **актуальных** проблем современного литературоведения. Изучение репрезентации образа города в художественном тексте как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира, является на сей день одним из неисследованных направлений в якутском литературоведении. В связи с этим **научная новизна** нашей статьи очевидна: она состоит в необходимости осмысления локального городского текста якутской литературы.

Как нам представляется, по отношению к якутской литературе вполне правомерно говорить о возможности использования понятия «городского» текста, что подтверждается активной дифференциацией художественных элементов, складывающихся в единый текст и образующих целостные культурные коды, универсалии, которые активно участвуют в установлении оригинальной картины северного города. Ткань якутского городского текста образуется из следующих художественных элементов, создающих основу северной ментальности: *город, центр, река, грех, острог, улицы, снег, лед, холод, туман, дорога, край, даль, смерть, свобода, бесконечность, вечность* и т.д., – которые, детерминируя процесс порождения текста, активно участвуют в процессе формирования особого пространства Якутска. **Цель** нашего исследования – изучить апокалиптические мотивы в якутском городском тексте. Цель определила следующие **задачи**: проанализировать специфику репрезентации апокалиптических мотивов; выявить и изучить ключевые для якутского городского текста образы, определить их функциональную роль.

Якутск, расположенный на периферии, «на краю» культурного пространства, характеризовался всегда как самый северный, самый «холодный город», «ледяной город», «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле», «мертвый город» и пр. И в этом плане образ города Якутска является достаточно интересным объектом для современных исследователей.

Город у реки Лены с самого его основания связан с мифом о потопе (известно, что место основания города переносилось три раза, т.к. каждый раз город затапливало рекой), и потому отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска. Постоянным элементом городского ландшафта помимо этого становятся

туман и мгла (тьма), покрывающие Якутск почти полгода и наполняющиеся экзистенциальной нагрузкой при оформлении образа человека в городе.

Апокалиптические прогнозы, касающиеся будущего города, неизменно рассматриваются в связи с описаниями больших катаклизмов (пожары, наводнения, голод, захват врагов, эпидемии и пр.). В истории человечества известны многие города, столкнувшиеся со страшными бедами и катаклизмами (Троя, Рим, Помпеи, Хиросима, Припять, военные заброшенные городки и др.), в судьбах которых в какой-то мере можно увидеть параллель с библейскими Содомом и Гоморрой. В дополнение к этим городам можно упомянуть печально известную историю забытого в глубокой якутской тайге мертвого города Зашиверска, уничтоженного оспой, в участии которого прослеживаются многие апокалиптические мотивы (предзнаменование, греховность жителей, разлука влюбленных, смерть, страшный суд, забвение и т.д.).

Включение городских образов в перспективу художественного текста якутскими исследователями почти всегда применяется в аналогии с мотивом экзистенциального перехода человека в иное состояние [1; 6; 9; 11].

В художественной литературе наиболее близко к воплощению апокалиптического мотива конца, страшного суда стоят образы *тюрьмы, психиатрической больницы, публичных домов, кабаков, ночных клубов, кладбищ, крематориев* и т.д., всегда территориально связанные с городским пространством. Реализация данных топосов как инвариантных образов железного города встречается довольно часто в литературных произведениях XX в. Начиная с описаний сибирских каторг образ «тюрьмы без решеток» закономерно закрепляется за Сибирью и составляет одну из больших проблемно-тематических областей русской литературы. Концентрационные лагеря как города-призраки прочно вошли в ряд топологической символики (Ф. Достоевский, В. Шаламов, А. Солженицын, А. Синявский, Е. Гинзбург, Э. Кочергин и др.), став воплощением экзистенциального зла.

Смыслообразующая роль закрытого топоса реализуется из народных представлений о тюрьме как подземелье (землянки, клетки, пропасти, ямы, могилы) и актуализирована далее в литературе в качестве места смерти / временной смерти. Параллель с мифологической страной мертвых или нижним миром абаасы в культуре саха можно отметить в ряде произведений, где тюрьма может быть интерпретирована в качестве дьявольского мира.

В некоторых произведениях якутской литературы город представляется в качестве страшной чужой периферии, находящейся за гранью (границей), – функцию рубежа реализует образ реки Лена, территориально делящей пространство центральной Якутии на восточную (*илин энэр*) и западную (*аргаа энэр*) части. Расположенный на западной стороне долины Туймаада у берега могущественной Лены город Якутск постоянно находится на краю экзистенциальной бездны, которая наиболее явственно ощущается при пересечении «аласным» человеком черты своей родной среды. При вступлении в чужое для него городское пространство человек в полной степени испытывает разрушающее влияние глобализации. Якутск как портал, открывающий для человека светлые и темные стороны жизни, становится олицетворением двойственности мира и получает наиболее яркое воплощение при отражении духовного кризиса общества в контексте промежуточности – ментального порога.

Поглощение городом людей, утрачивающих в нем свою индивидуальность и превращающихся в безликую человеческую массу, становится одним из основных экзистенциальных проблем в произведениях первых писателей.

Архетип города в романистике И. М. Гоголева-Кындыла («Черный стерх» (1978-1982-1988), «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1999), «Манчаары» (2001)) как бинарно противопоставленный образ природным реалиям привлекает особое внимание. Писатель создает образы городов Якутска, Вилюйска, включая их в романное пространство в качестве центральных смысловых образов, в которых геоэстетические элементы представлены *топосами домов, церквей, улиц, локусами тюрьмы, больницы, кабаков, постоянных дворов* и пр. Наслег Сымалаах (от «сыма» – досл. *мелкая рыба, заквашенная в ямах*) в романе «Черный стерх» также выступает в качестве закрытого локуса, отгородившего людей от большого мира, единицы которых стремятся вырваться из этого замкнутого круга. Данный топологический уровень населен определенным кругом «замкнутых» людей (Хабырыыс, шаман Кысалга, чревоушательница Хобороос, олонхосут Чоргулла, Тойон Кисси и др.). Это герои трагического, катастрофического мира, не имеющие возможности говорить правду, строить свою судьбу. Трагичность внутреннего мира, отчужденность своего «Я», ограниченность возможностей есть характеристики героя закрытого пространства.

Психиатрическая больница, представленная как символ государства, управляемого деспотом-руководителем, является одним из основных геотопических реалий романа «Богиня милосердия». Главным героем она определяется как «Дом печали» по аналогии с Мертвыми Домами Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, Палатой № 6 А. П. Чехова и др.

Дом инвалидов и дом сумасшедших, где находят последнее пристанище обездоленные, отвергнутые «здоровым» обществом больные люди, превращаются в метафору всего общественного устройства. Замкнутое пространство усиливает ощущение ограниченности человеческой жизни, разума, души и может быть интерпретировано как «пещера», «могила», входение в него на разных уровнях символизирует «смерть», а выход определяется как преодоление отчужденности от мира, от окружающих людей, воскрешение, перерождение.

Нижний мир (мир абаасы) существует в романном хронотопе в качестве страшного города и в большинстве случаев реализуется посредством архетипов психиатрической больницы, тюрьмы. Описание Охотской тюрьмы, куда был выслан Манчаары, герой одноименного романа, дается писателем особо эмоционально, красочно. В тексте отмечается достаточно много упоминаний о железных дверях, цепях, кандалах, нарах, решетках – основных атрибутах дьявольского нижнего мира. Даже сторож этого злополучного места является бывшим кузнецом, мастером железа.

Как мы видим, перевернутость как способ мировидения в современной прозе становится определяющей в отношениях человека и города. В литературе периода 80-90-х гг. XX в., представленного прозой В. В. Яковлева, Н. А. Габышева, В. Н. Гаврильевой, Э. Д. Соколова, В. Н. Титова, Е. П. Неймохова, Н. А. Лугинова и др., Якутск выступает как место экзистенциального порога, в осмыслении которого усиливается художественная рецепция перевернутости. Образы «перевернутого» мира, или оксюморонные образы, типичные для урбанистического топоса, а точнее «уличные» субъекты (*уулусса киситэ*): бродяги, бездомные, жулики, картежники, воры, авантюристы и др. «темные» личности, прикрепленные к топонимическим реалиям тюрем, бараков, вокзалов, – становятся персонификацией современной жизненной реалии. Они исполняют зеркальные по отношению к сельским (аласным) созидающим персонажам роли, характеризующиеся разрушением собственного «Я».

Для большинства персонажей повести Е. П. Неймохова «Случай на озере Сайсары» (1988) город – это пространство временного пребывания: ряд временщиков-золотоискателей, мигрантов, приехавших в Якутск за «длинным рублем», пополняют безработная молодежь, студенты, также оказывающиеся в городском пространстве на короткий промежуток времени. «У продуктового магазина на улице Чехова столпились люди. Захар Захарович, краем глаза наблюдая за четырьмя-пятью молодыми людьми, стоящими у алкогольного ларька, прошел мимо. От них можно ожидать чего-угодно...» (здесь и далее перевод автора статьи. – С. Н.) [10, с. 32].

Любопытно, что в литературе 1990-2000-х гг. восприятие образа студента претерпевает существенные изменения: студенты 90-х гг. – это субъекты с другим нравственно-личностным укладом, иными ценностными установками, в отличие от студентов 50-60-х гг. Модель ролевого поведения студента предыдущих поколений, *открытого, внимающего, любознательного, дружественного*, сменяется на полярные роли *закрытого, сомневающегося, спорящего, агрессивного* типа студента, образ которого далее сформирует типичное городское явление – толпу (столпотворение, массу, сброд и пр.), которое опасно тем, что толпа наполняет улицы города беспокойством, недовольством, хаосом.

Уличная топология, представляющая разнонаправленность (в виде многочисленных улочек, улиц, переулков, проспекта, закоулков, переулков, обочин, тупиков), имеет смыслообразующее значение в состоянии героя. Эта бесконечная и хаотическая субстанция, почти всегда уводящая человека в неизвестность, на самом деле есть уход в измерение «пустоты» в противоположность дому. Неопределенность в жизни становятся генерирующими состояниями человека, для которого постоянным топологическим пространством оказывается улица.

Как отмечает Д. Н. Замятин, городская улица есть «самый загадочный географический образ. Это, в действительности, образ на краю, образ *ad marginem*, ибо на ней и посредством ее сталкиваются, борются, взаимодействуют совершенно различные представления, образы жизни, локализованные случаем в одном урочище» [5, с. 212].

Человек улицы срашивается с улицей, растворяется в ней, исчезает, как это происходит с главным персонажем детективной повести Е. П. Неймохова: «Люди, встречающиеся ему на пути, не обращают на него ни единого взгляда. Давыдову почудилось, что он превратился в невидимого человека, от его взгляда не ускользает ничего, он видит всех прохожих, а его самого никто не может рассмотреть, он словно растворился среди этих домов и улиц» [10, с. 109].

Перемещения персонажей улиц отличаются отсутствием определенной цели, в отличие от динамических характеристик «героя пути», стремление которого всегда наполнено смыслом. Семантическая нагрузка слов, определяющих уличных людей (*уулусса киситэ* ‘уличный человек’, *хаамайы* ‘бродяга’, *кэридэх* ‘бродяга’, *атах балай сьдьяаччы* ‘бездомный’) имеет негативный смысловой оттенок, акцентирующий в первую очередь на характере их пути – неосознанном, безответственном, пустом и непонятном.

В литературе промежуточного периода в аспекте городского текста интересную функциональную характеристику получает образ Тени. Тень, его роли и функции формируются сначала из народных представлений о природе человека, понятиями о структуре его души из трех компонентов – воздушной, земной и материнской душ (кут). Понятие тени, как указывают многие исследователи, в первую очередь связано с сакральной сущностью человека айыы, в выражении «*ус хара бараа кулүккэр сүгүрүйэбин*» (досл. ‘поклоняюсь твоим трем черным теням’) олицетворяет уважаемого человека, отражая его высокий социальный статус и благородное происхождение. Похожей семантической нагрузкой наполнено выражение «*кулүккүн быһа хаамтаппын*» (досл. ‘не переступлю твою тень’), то есть цельность, гармоничность человеческого «Я» глубоко связаны со скрепленностью его плоти, души, духа и Тени (кулүк). В то же время тень относится к трансцендентальному миру, эксплицируя темную оборотную сущность дэриэтинньик-оборотня, находящегося в особом промежуточном измерении – между людьми айыы и абаасы, миром живых и мертвых.

В аспекте городских пространств в литературе позднего периода восприятие образа тени меняется: Тень используется преимущественно как образ демонического мира, показывает скрытые негативные стороны души человека, его темные желания и помыслы, выделяет потерянность, серость, бездушие, пустоту человеческого существования в городе. Персонажи, функционально связанные с тенью: бомжи, воры, хулиганы, мошенники, проститутки и т.д., – выбирают ночную, теневую сторону городского пространства, являясь по сути персонификациями амбивалентной, перевернутой сущности городского мира.

В якутской литературе конца 90-х гг. XX в. темная (теневая) сущность города начинает выделяться особенно явно – на фоне активных трансформаций общественного сознания начинает формироваться новое состояние литературы. Противоположная сторона города и роль в нем мрачных субъектов урбанистической реалии (надзирателей, палачей, следователей, тюремщиков, заключенных), большей частью относящихся к ночной, малоизвестной стороне жизни города, можно будет проследить в атмосфере города-тюрьмы в повестях

Г. И. Борисова «Из света во тьму» (1992), «За колючей проволокой» (1993), «Годы ссылки» (1994), романе-эссе В. С. Яковлева-Далана «Судьба моя» (1994).

В контексте темы тюрьмы в романе «Судьба моя» В. С. Яковлева-Далана также правомерно использование понятия перевернутости, через проекцию которого городской текст наполняется новым смысловым содержанием: перевернутость обуславливает раскрытие другой стороны реальности – изнаночной реалии Якутска. Мир перевернутый, казалось бы, реально невозможный, абсурдный, открывает свои двери перед главным героем романа студентом Василием Яковлевым 10 апреля 1952 г.

Тюрьма как локус для отчуждения человека представляется пространством для вдохновленного студента пединститута чужим пространством, открывающим теневые стороны Якутска, и символизирует страшную, разрушающую сторону бытия.

Двойственность, проявляющаяся в устройстве политической системы страны, личной природы человека, обнажает темную сущность советской действительности. Фальшивые маски, воображаемые идолы, ложные лозунги становятся атрибутами того оставшегося за дверьми весеннего Якутска, широкие, светлые улицы которого на первый взгляд полны студентов, взбудораженных ученическими заботами и юношескими радостями.

Степень авторской рецепции образа города далекого 1952 года имеет довольно четкие координаты: по мере углубления в текст меняется и трансформируется облик родного города, и постепенно проступают очертания неизвестного города-тюрьмы. Карта нынешнего города, состоящая из улиц, переулков, домов, различных зданий, предельно точно накладывается на карту города 50-х гг. XX в. Прекрасно известные нынешним горожанам улицы Дзержинского, Орджоникидзе скрывают неясные контуры городской тюрьмы, якутского городского суда, в которых решались судьбы многих жертв репрессий. Эти призрачные очертания города-тюрьмы, умело задекорированные в современном обличье современного города, изредка могут выпускать темных чудовищ – сквозь нынешние очертания города вновь проявляются черные фигуры, пугающие тени, знакомые контуры внутренней тюрьмы, не давая о себе забыть бывшему узнику [14, с. 256].

Таким образом, якутский городской текст как единая художественно-культурная система вполне может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов – и в этом знаковая роль отводится апокалиптическим мотивам, раскрывающим специфику уникального статуса Якутска как города на краю (земли, вселенной, у бездны). Будучи формой национальной художественной мысли, возникшей локально на Севере как автономная реальность, имеющей совершенно оригинальные генетические, историко-культурные, поэтические параметры, городской текст якутской литературы органично аккумулирует в себе мировоззрение, в центре которого находится идея человека как высшей ценности.

Список источников

1. Бурцева Ж. В. Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. Новосибирск: Наука, 2014. 132 с.
2. Гоголев И. М. Манчаары: роман. Якутск: Бичик, 2001. 352 с.
3. Гоголев И. М. Третий глаз: роман. Якутск: Бичик, 1999. 240 с.
4. Гоголев И. М. Хара кыталык (Черный стерх): роман: в 3-х кн. Якутск: Кн. изд-во, 1977. Кн. 1. 358 с.
5. Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.
6. Кириллина М. А. Якутская комедия: типология и жанровая динамика. Новосибирск: Наука, 2014. 116 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
8. «Мои добрые кони – стихи». Лирика Семена Данилова: поэтическая картина мира: коллективная монография. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. 128 с.
9. Мыреева А. Н. Якутский роман 70-90-х годов XX века. Традиции и новации. Новосибирск: Наука, 2014. 116 с.
10. Неймохов Е. П. Сайсары күөлгэ түбэлтэ: повесть. Якутск: Бичик, 2013. 224 с.
11. Окорочова В. Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии: в 2-х ч. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2001. Ч. 1. 68 с.
12. Романова Л. Н. Поэзия Натальи Харлампьевой. Динамика лирической книги стихов. Новосибирск: Наука, 2014. 128 с.
13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс: Культура, 1995. 624 с.
14. Яковлев-Далан В. С. Дьылҕам миэнэ (Судьба моя). Якутск: Бичик, 1994. 448 с.

“CITY ON THE EDGE”: APOCALYPTIC MOTIVES IN THE YAKUT URBAN TEXT

Noeva Sargylana Eremeevna, Ph. D. in Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
Nosae37@yandex.ru

The article deals with the peculiarities of local urban text as a unified artistic and cultural system. The main object of the study is a system of apocalyptic motives and images revealing the status specificity of Yakutsk as a city on the edge. The Yakut urban text is considered as an artistic unity of the complex structural level, where landscape-climatic characteristics included in the whole, urban objects, buildings and people in urban reality reveal the mental image of the Sakha people's world. The structure of the city space is analysed at several levels: topological realia, loci, fragments of space, natural and climatic peculiarities, subjects of the urban world and the intangible and sensual world.

Key words and phrases: urban text; apocalyptic motives; chronotope; inversion; street topology.